

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

*Принцип формы
в эстетике*

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 7.01
ББК 87.8
Б43

Белый А.

Б43 Принцип формы в эстетике / Андрей Белый. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 172 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-09699-9

Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) — крупнейший представитель русского символизма, во многом определивший творческие и духовные искания своей эпохи. Автор экспериментальной прозы, нескольких книг стихов, гениальных модернистских романов, он, по чуткому замечанию М. Цветаевой, не мог исчерпывающе воплотить свой талант в творчестве. Для глубинной тайны искусства писатель стремился найти теоретическое обоснование, гармонию (или дисгармонию) не ведающего покоя поэтического духа «поверить алгеброй».

В настоящем издании публикуются избранные работы, составляющие малую, но важную часть эстетического наследия Андрея Белого. Сочетая математическую строгость и философскую интуицию, широкую эрудицию и свободу оригинальной мысли, автор создает методологию символистского искусства, понимаемого как искусство *per se* — мир символов, в конечном счете приближающийся к творчеству самой жизни, ее «художественной онтологии», теургии.

Намеренно не избавляя свои сочинения от противоречий, Белый-теоретик со всей интеллектуальной честностью подходит к ключевому вопросу эстетики: что такое искусство? «Легко ответить на этот вопрос. Или — почти невозможно».

УДК 7.01
ББК 87.8

ISBN 978-5-517-09699-9

© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2024

СВЯЩЕННЫЕ ЦВЕТА

«Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы». Свет отличается от цвета полнотою заключенных в него цветов. Цвет есть свет, в том или другом отношении ограниченный тьмою. Отсюда феноменальность цвета. Бог является нам: 1) как существо безусловное, 2) как существо бесконечное.

Безусловное над светом. Бесконечное может быть символизировано бесконечностью цветов, заключающихся в луче белого света. Вот почему «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы». «Увидел я, — говорит пророк Даниил, — что поставлены были престолы и возсел Ветхий днями: одяние на нем было как снег»... Мы существа, созданные по образу и подобию Бога, в глубочайшем начале нашего бытия обращены к свету. Вот почему окончательная противоположность божественности открывается нам *условно* ограничением цвета до полного его отсутствия. Если белый цвет — символ воплощенной полноты бытия, черный — символ небытия, хаоса: «Посему они (нечестивые) поражены были слепотою... когда, будучи объаты густою тьмою, искали каждый выхода»... Черный цвет феноменально определяет зло как начало, нарушающее полноту бытия, придающее ему призрачность. Воплощение небытия в бытие, придающее последнему призрачность, символизирует серый цвет. И поскольку серый цвет создается отношением

черного к белому, постольку возможное для нас определение зла заключается в относительной срединности, двусмысленности. Определением черта, как юркого серого проходимца с насморком и с хвостом, как у датской собаки, Мережковский заложил прочный фундамент для теософии цветов, имеющей будущее. К сожалению, сам он, открыв дверь к дальнейшим выводам, даже не заглянул в нее.

Исходя из характера серого цвета, мы постигаем реальное действие зла. Это действие заключается в возведении к сущности отношения без относящихся. Такое отношение — нуль, машина, созданная из вихрей пыли и пепла, крутящаяся неизвестно зачем и почему. Логика этой срединности такова: положим, существует нечто безотносительное; тогда проявление безотносительного совершается особого рода измерением; назовем это измерение глубинным, а противоположное ему плоскостным. Когда для измерения предметов мы восстанавливаем три координатных оси, то от нас зависит одну из трех осей назвать измерением глубины, а оси, лежащие в плоскости перпендикулярной, суть плоскостные измерения ширины и длины. Можно обратно: измерение глубины назвать измерением ширины. От нас зависит выбор координатных осей. Если безотносительное глубоко сравнительно с относительным, то выбор глубины и плоскости с нашей стороны всегда относителен. Мы уподобляемся точке пересечения координатных осей. Мы — начало координат. Вот почему отсчет с нашей стороны по линиям глубины, ширины и длины произволен. Такая логика расплющивает всякую глубину. Все срывает и уносит... но никуда не уносит, совсем как кантовский ноумен, ограничивающий призрачную действительность, но и сам *не-сущий*. Мир является ненужной картиной, где все бегут с искаженными, позеленевшими лицами, занавешенные дымом фабричных труб, — бегут, в ненужном порыве вскакивают

на конки — ну совсем как в городах. Казалось бы, единственное бегство — в себя. Но «Я» — это единственное спасение — оказывается только черной пропастью, куда вторично врываються пыльные вихри, слагаясь в безобразные, всем нам известные картины. И вот чувствуешь, как вечно проваливаешься — со всеми призраками, призрак со всеми нулями нуль. Но и не проваливаешься, потому что некуда провалиться, когда все равномерно летят, уменьшаясь равномерно. Так что мир приближается к нулю, и уже нуль, — а конки плетутся; за ним бегут эти повитые бледностью нули в шляпах и картузах. Хочется крикнуть: «Очнитесь!.. Что за нескладаица?», но криком собираешь толпу зевак, а может быть и городского. Нелепость растет, мстя за попытку проснуться. Вспоминаешь Ницше: *«Пустыня растет: горе тому, в ком таятся пустыни»* — и что-то омерзительное охватывает сердце. Это и есть черт — серая пыль, оседающая на всем.

Только тогда всколыхнется серое марево, гасящее свет, когда из души вырвется крик отчаяния. Он разорвет фантазмагорию. «И заревет на него в тот день как бы рев *разъяренного* моря; и взглянет он на землю; и вот тьма, горе и свет померк в облаках» (Исайя). В этом состоит обман неожиданности; он обнаруживает как бы бездну у ног. Кто скажет, что это действительная бездна, тот отношение примет за сущность. Современные любители созерцания в искусстве всяких бездн — почти все они находится на этой стадии. Следует помнить, что здесь еще нет никакой бездны. Это — оптический обман. Туча пыли загасила в руках светильник, занавесив непроницаемой стеной вечный свет. Это — черная стена пыли, которая в первый момент кажется пропастью, подобно тому как неосвещенный чулан может казаться бездонно-черной вселенной, когда мрак, не позволяющий разглядеть его пределы, слепит глаза. Не следует бояться бунтующего хаоса. Следует помнить, что

он — завеса, искус, который нужно преодолеть. Нужно вступить во мрак, чтобы выйти из него.

Первое сияние, разрезающее мрак, окрашено желто-бурым зловещим налетом пыли. Этот зловещий отблеск хорошо знаком всем пробуждающимся, находящимся между сном и действительностью. Горе тому, кто не рассеет этот зловещий отблеск преодолением хаоса. Он падет, раздавленный призраком. И Лермонтов, не сумевший разобраться в пригрезившемся ему пути, всегда обрывал свои глубокие прозрения.

Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.

Ужас невоплощенных прозрений висел над ним, как занесенная секира палача:

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной.

И закат, в котором сам же Лермонтов видел священную улыбку, блещет, как жгучее пламя:

Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под окном,
Быть может, завтра он заблещет надо мной,
Безжизненным, холодным мертвецом¹.

И Лермонтов был обречен на полное непонимание сущности угнетавшего его настроения, которое могло казаться (о, ужас!) позой, благодушным пессимизмом, мировой

¹ Отрывки из стихотворений А. Белый цитирует преимущественно по памяти, иногда — с ошибками.

скорбью, «поэтической» грустью, тогда как на всем этом лежит отпечаток священной пророческой тоски.

Но такова участь «*впервые открывающих глаза*». Они равно далеки и от сна, и от победы.

Слеза по щеке огневая катится,
Она не от сердца идет.
Что в сердце обманутом жизнью хранится,
То в нем навсегда и умрет,

потому что

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово.

В судьбах отдельных выдающихся личностей, как в камер-обскуре, отражаются судьбы целых эпох, наконец, судьбы всемирноисторические. Отдельные лица все чаще становятся актерами, разыгрывающими наши будущие трагедии — сначала актерами, а потом, может быть, и деятелями событий. Надетая маска прирастает к лицу. Такие лица часто оказываются точками приложения и пересечения всемирно-исторических сил. Это — окна, через которые дует на нас ветер будущего.

Таким лицом был Лермонтов. В его судьбе узнаешь всем нам грозящие судьбы. Секира, занесенная над ним, грозит всем нам.

Что судьбы вам дряхлеющего мира?
Над вашей головой колеблется секира.
Ну что ж? Из вас один ее увижу я.

Ужас перед *дряхлеющим миром*, над которым занесена секира, напоминает слова о днях, в которых будет «*такая скорбь, какой не было от начала творения*» — о последних

днях. Еще ступенью дальше, и образ грядущего Мстителя должен встать перед Лермонтовым. И он встает:

Настанет год, России черный год,
Когда чума от смрадных мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел...
И зарево окрасит волны рек...
В тот день явится мощный человек...
И будет все ужасно, мрачно в нем.

Тут он перекликается с современными поэтами и писателями:

Конец уже близок, неожиданное сбудется скоро.
Вл. Соловьев

Мне чудится — беда великая близка!
Но близости ее никто еще не слышит...
Голенищев-Кутузов

«„Грязненькие“ трактиры... встречаются во всех романах Достоевского. В них-то и происходят самые важные, отвлеченные и страшные разговоры главных героев его о последних судьбах русской и всемирной истории. И... чувствуешь, что именно пошлость этой... лакейской „смердяковской“ обстановки... придает беседам этим их особенный, современный, русский... грозовой и зловещий — как небо перед ударом грома... апокалиптический отблеск» (Мережковский).

Луч вечного света придает здесь, безобидной на взгляд, серединной серости этот ужасный, истинный для нее оттенок. Преодолевая эту стадию, мы приближаемся к другому испытанию — внезапно все окрашивается огненным блеском красного зари. В физике известно свойство белого луча окрашиваться красным цветом при прохождении сквозь запыленную, непрозрачную среду определенной толщины и плотности. Итак, впечатление *красного* созда-